

*Stefan Grzybowski**

АРХАИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ГОВОРЕ СТАРООБРЯДЦЕВ В ПОЛЬШЕ

ARCHAIC PHENOMENA IN OLD BELIEVERS DIALECT IN POLAND

The Old Believers dialect in Poland includes many peculiar phenomena resulting from its Polish environment. Despite that, and the reduction in the number of speakers, it can be regarded as a valuable language, having at its disposal many interesting features. Among them are rare, archaic elements in its vocabulary, which the dialect preserved through decades of functioning as an island ethnolect separated from its mother language.

Keywords: Old Believers dialect in Poland, lexicon, archaisms

Słowa kluczowe: gwara staroobrzędowców w Polsce, słownictwo, archaizmy

Говор старообрядцев, проживающих на северо-восточной окраине современной Польши уже более 200 лет, несмотря на постоянно сокращающуюся численность их общины (ныне ок. 1000 человек), не выходит из употребления, особенно в деревнях Габове Гронды (Gabowe Grądy) и Бур/Бор (Bór), где можно говорить о существовании коммуникативной общности, включающей несколько поколений. В 1960–70-ые гг. говор исследовали И. Грек-Пабис и И. Марыняк, публикуя ряд монографий и статей [см. Grek-Pabisowa, 1968; 1983; 1999; Maruniakowa, 1976; 1982]. Начиная с конца XX века, говор стал вызывать интерес торунских славистов, прежде всего из-за происходящих в нём изменений под влиянием польского языка [см. Głuszkowski, 2011; Paśko-Konieczniak, 2011; 2016; Ziółkowska-Mówka, 2018]. Однако независимо от процесса, названного нами гибридизацией [Гжибовски, 2010], т. е. аб-

* Katedra Filologii Słowiańskiej, Wydział Filologiczny Uniwersytetu Mikołaja Kopernika w Toruniu, Fosa Staromiejska 3, Toruń 87-100; e-mail: stefgrzyb@interia.pl.

сорбции польских явлений в русскую по своей формально-грамматической характеристике языковую систему, по ходу комплексного анализа собранного материала оказалось, что говор является большой ценностью сам по себе и, как каждый живой этнолект, он состоит из самых разнообразных пластов языковой системы, и в нём можно найти специфические, только ему присущие языковые явления (например, инновации), но также и такие, которые соотносят его с временной перспективой его существования. Как каждый островной говор, находящийся в усиливающемся с течением времени разрыве со своим источником – общерусским языком, особенно после 1945 года, когда утратил даже контакты с русскими старообрядческими говорами в Прибалтике, имеющими тот же источник – псковский диалект, он мог сохранить и пронести через десятилетия существования на отшибе некоторые явления, которые утратились в других территориальных разновидностях языка. Примером могут послужить несколько представленных ниже лексем из говора старообрядцев в Польше, которые носят явно архаические черты и находят прямые аналоги в исторических памятниках русской письменности и неизвестны – полностью или частично – как литературному языку, так и другим русским диалектам, в том числе и русским говорам в Прибалтике, с которыми говор польских старообрядцев входит в прибалтийский русский старообрядческий ареал [см. Śekmonas, 2001; Гжибовский, 2017], являясь его самой западной ветвью. Все обсуждаемые лексеммы были записаны торунской группой исследователей во время экспедиций в XXI веке в сувалкском и августовском регионах проживания старообрядцев (см. также *Rosyjska gwara...*, 2016, Aneks: s. 246–283). Из них только для одной формы можно отметить параллель в другом (мазурском) регионе старообрядческого диалекта в Польше (см. ниже *исто*).

К таким архаическим элементам можно отнести встреченное в сувалкском регионе наречие *исто* в высказывании: *в яво клáняеся, ибо... зямля, хóдют... в камáшах* (ботинках) *хóдют...*, *грязна мóжет быть. А тут мýси быть* (должно быть) *ística*¹, где таким образом обосновывается использование *подручника* при поклонах в моленне (т. е. в здании, выполняющем

¹ При цитировании иллюстративного материала используется разработанный нами „русский транскрипт”, близкий к орфографической записи, но пытающийся передать главные фонетические черты произносимых единиц (яканье, замена [u] на [v] и т. д.). Подробно принципы такой записи описаны в публикации выбора текстов говора [*Gwara rosyjska...*, 2016, с. 26–30]. В скобках прямым шрифтом записаны русские литературные эквиваленты слов, заимствованных из польского языка. Пропущенные обрывки слов или слова, несущественные для наррации (*грю, значит* и т. п.), сигнализируются точками [...].

у старообрядцев-беспоповцев функцию храма). Здесь, по всей вероятности, наречию можно приписать значение ‘как следует, по-настоящему’ или даже ‘по-божьему’. Форму *исто* в близком к искомому значению фиксируют русские исторические словари [СДРЯ XI–XIV, т. IV; СРЯ XI–XVII, 06; Срезневский I] – ‘действительно, верно, в самом деле’, ‘как раз, прямо’. В диалектах известно прилагательное *істый*: ‘истинный’ (о Боге) [ПОС, 13] и ‘верный, обязательный’ [СРНГ, 12]. Сходная форма (*істы*) с такой же семантикой зафиксирована Я. Станкевичем в белорусском языке [Станкевич], а в словаре пермских говоров в таком же значении найдём *істовой* [СПГ, 01]. В изданном в 1980 г. И. Грек-Пабис и И. Марыняк словаре старообрядческого говора в Польше [SGS] в мазурском регионе зафиксировано наречие с корнем *-ист-*: *'isna* – ‘по-настоящему’, осложнённое суффиксом *-н*, т. е. по сути дела форма **истно* (с упрощением группы [stn]), которую можно рассматривать как восходящую к польск. *istnie* с тем же значением. Совершенно неожиданным образом в русских говорах Карелии наречию *істо* в Пудожском районе приписано противоположное значение – ‘плохо’ [Герд, 02]. Иллюстративный материал, однако, (*исто платье пошито, живут-то исто*) не совсем убедителен. Нет оснований предполагать ошибку составителей словаря, и если это действительно так в говоре, то можно здесь предполагать энантиосемическое смещение семантики. Положительное же значение в этих говорах приписано производному *істово* [там же]. Таким образом, если наречия рассматривать как особую часть речи, а не форму имени прилагательного, то можно считать, что говор старообрядцев в Польше выделяется среди русских диалектов исконным (архаическим) употреблением лексемы *істо* без словообразовательных осложнений.

Архаический характер имеет огласовка частицы, предваряющей ссылку на чужое или общее мнение. В русском литературном языке и в большинстве говоров она имеет вид *де* или *дескать* [Даль, I; ПОС, 08, 09]. Форма *де* восходит к более древнему *дѣй* (*дей*) [СРЯ XI–XVII, 04], отмеченному также в псковских памятниках письменности XII–XVII вв. [ПОС, 09]. Именно в этой огласовке частица появилась в высказывании носителя говора в дер. Бур: *В шпиталь к дѣктарю зайдѣш, ня маѣш дѣнег – дей: и ня лѣчя. Бо ён как тебѣ вѣлечыт, то за две недѣли (через две недели) нѣги вѣтенеш*. Его значение по сравнению с исходным, по-видимому, несколько модифицировано, оно ближе к обозначению следственных отношений – ‘то; следовательно’ и т. п., хотя возможно и толкование, близкое к исконному – ‘то, как говорят, (и)’. В доступных словарях русских диалектов такая огласовка не встретилась. Она появляется в виде *дзей* в белорусских говорах [Мяцельская, 01], где

имеет, однако, другой статус – это существительное со значением, близким к исходному: ‘слухи, молва’. Встретились также производные образования *дзэйка* [Мацкевіч, 02], *дзэйкі* ‘то же’ и *дзэйкаць* [Крапіва], [Мацкевіч, 02] ‘распускать слухи’. В говоре староверов в Польше, по всей вероятности, сохраняется исконное положение вещей, форма *дей* – это не существительное, а частица, как и в древнерусском языке.

Архаическая огласовка, по всей вероятности, проявилась также в августовском регионе в форме *ямáем* (*и вот мы ямáем такіх в дярэвне*), вместо обычной для говора *ма́ем*, заимствованной из польского языка (и созвучной, кстати, с белорусской, см. [Мацкевіч, 03]). Она, как и в польском языке, употребляется для обозначения разных посессивных отношений, что проявляется и в цитируемом примере. Форма *имеем*, восходящая к общерусской, в говоре менее частотна. Огласовка *ямаем* может выводиться из архаического варианта глагола *имати*: *емати*, отмеченного в словаре [СДРЯ XI–XIV, т. III], а также в [Даль, I; СРНГ, 12; ПОС, 13], где *имать* || *емать* наряду со значением ‘поймать, схватить’ употребляется также для обозначения посессивности, т. е. ‘иметь’. Начальное сочетание [ja] – это натуральный рефлекс яканья, свойственного говору старообрядцев в Польше, в котором, кстати, есть и случаи якающей реализации исходного [i], например, *бялёт*, что позволяет объяснять появление начального я- без ссылки на [je] в *емать*, т. е. непосредственно из [i] в *имать*. При обоих объяснениях форма носит архаическую огласовку, ибо также предполагаемая конкурентная форма *имаем* не появляется в современных говорах и в литературном языке.

Своеобразными архаизмами в говоре можно считать существительное *кашчўны́* (‘проказы, связанные с празднованием кануна Рождества Христова – *кутейника*’) и глагол *кашчўнничать* (‘проказничать, устраивать кашчуну’), встреченные несколько раз у жителей дер. Габове Гронды и Бур. В современном литературном языке и диалектах существуют родственные образования: *кощунство*, *кощунствовать*, обозначающие греховное поведение, святотатство [Даль II; Кузнецов]. Основой для квалификации форм как архаических в говоре могут быть др.-рус. *кощоунити*, *кощунати* и *кощоуна*, см. [СДРЯ XI–XIV, т. IV], где преобладают значения типа ‘лицедействовать, устраивать представление’ или ‘суесловие, сказки, праздная суэта, веселье, лицедейство’. Сходную семантику предлагает также [Срезневский, I]. В иллюстративном материале этих словарей, однако, можно найти и примеры их употребления для обозначения греховного поведения, святотатства. Они выносятся на первый план в [СРЯ XI–XVII, 07], где словам *кощунити*, *кощунати* и *кощуна* наряду со значениями ‘шутить, на-

смеяться' и 'шутовство, насмешка' приписывается обозначение святотатства или кощунства в современной трактовке этих понятий. Показательно также, что в исторических словарях существительные в иллюстративном материале, как и нашем говоре, употребляются в формах мн. числа. Связь с понятием греха, святотатства наблюдается также в белорусских *кашчўнны*, *кашчўнства* [Крапіва] и болгарском *кощунство* [Речник, 7]. Ни в одном из доступных русских источников не отмечена возможность обозначать этими словами народный обычай безнаказанно проказничать, устраивать шалости ради шутки во время кутейника. Это встречается только в говоре польских старообрядцев, который пронёс или даже усилил содержащуюся в древних письменных источниках возможность не порицать такое поведение во время кутейника, начинающегося, по словам наших информантов, три дня перед Рождеством Христовым. Следует, однако, добавить, что гл. кощунить в значении 'озорничать, проказничать' и сущ. кощунник ('озорник, проказник') встретились в русском говоре в Беларуси на территории давних староверских поселений в Ветковском районе [Манаенкова], но без указания на связь с Рождеством.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Словари

- Герд — Герд Александр С., ред., 1996–2005, *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей*, вып. 1–6, Издательство Санкт-Петербургского университета, Санкт-Петербург.
- Даль — Даль Владимир И., 1978 (1880–1882), *Толковый словарь живого великорусского языка*, т. I–IV, Русский язык, Москва.
- Крапіва — Крапіва (Атраховіч) Кандрат, рэд., 2012, *Беларуска-расейскі слоўнік*, Менск: Беларуская энцыклапедыя. Для Інтэрнэта падрыхтавана: 4-е выд., перапрац. і дап. пад рэд. А. Лукашанца, НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры ім. Якуба Коласа і Янкі Купалы.
- Кузнецов — Кузнецов Сергей А., ред., 2000, *Большой толковый словарь русского языка*, Норинт, Санкт-Петербург.
- Мацкевіч — Мацкевіч Юзефа Ф., рэд., 1979–1986, *Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча, у пяці тамах*, т. 1–5, Навука і тэхніка, Мінск.

- Манаенкова – МАНАЕНКОВА Александра Ф., 1989, *Словарь русских говоров Белорусии: ветковские говоры*, Университетское, Минск.
- Мяцельская – *Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі*, 1990, т. 1, пад рэд. Е.С. Мяцельскай, Універсітэцкае, Мінск.
- ПОС – *Псковский областной словарь с историческими данными*, 1967–2016, вып. 1–26, изд-во Ленинградского/С.-Петербургского университета, Ленинград/Санкт-Петербург.
- Речник – *Речник на българския език*, 1977–2013, т. 1–15, Институт за български език БАН, София.
- СДРЯ XI–XIV – *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.*, 1988–2013, т. I–X, Русский язык/Азбуковник, Москва.
- СПГ – БОРИСОВА А.Н., ПРОКОШЕВА К.Н., ред., *Словарь пермских говоров*, 1999, Пермь.
- Срезневский – СРЕЗНЕВСКИЙ Иван И., *Материалы для словаря древнерусского языка X–XVII вв.*, 1893–1903, т. I–III, Типография Императорской Академии Наук, Санкт-Петербург.
- СРНГ – *Словарь русских народных говоров*, 1965–2014, вып. 1–47, Наука, Москва–Ленинград–Санкт-Петербург.
- СРЯ XI–XVII – *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, 1975–2015, вып. 1–30, Наука, Москва.
- Станкевич – СТАНКЕВИЧ Ян, *Белорусско-русский (великолитовско-русский) словарь*, без года издания, Lew Sapieha Greatlitvan (Byelorussian) Foundation, New York.
- SGS – GREK-PABISOWA Iryda, MARYNIAKOWA Irena, 1980, *Słownik gwary starowierców mieszkających w Polsce*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.

БИБЛИОГРАФИЯ

- ГЖИБОВСКИ Стефан, 2010, *Гибридизация русского старообрядческого говора в Польше*, „Studia Rossica Posnaniensia”, XXXV, Poznań, с. 67–76.
- ГЖИБОВСКИЙ Стефан, 2017, *К вопросу о диалектной общности русского говора старообрядцев в Польше и русских говоров Прибалтики*, „Slavistica Vilnensis” 62, с. 151–171.
- ЏЕКМОНАС Valeriy, 2001, *Russian Varieties in the Southeastern Baltic Area. Rural dialects*, in: Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm, ed., *The Circum-Baltic Languages: Typology and Contact*, v. I: *Past and Presence*, John Benjamins Pub., Amsterdam–Philadelphia, с. 101–136.

- GLUSZKOWSKI Michał, 2011, *Socjologiczne i psychologiczne uwarunkowania dwujęzyczności staroobrzędowców regionu suwalsko-augustowskiego*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Toruń.
- GLUSZKOWSKI Michał, GRZYBOWSKI Stefan, red., 2016, *Rosyjska gwara staroobrzędowców w północno-wschodniej Polsce. Wybór tekstów*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Toruń.
- GREK-PABISOWA Iryda, 1968, *Rosyjska gwara starowierców w województwach olsztyńskim i białostockim*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław–Warszawa–Kraków.
- GREK-PABISOWA Iryda, 1983, *Słownictwo rosyjskiej wyspy gwarowej staroobrzędowców mieszkających w Polsce. Rozwój i stan dzisiejszy*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź.
- GREK-PABISOWA Iryda, 1999, *Staroobrzędowcy. Szkice z historii, języka, obyczajów*, Sławistyczny Ośrodek Wydawniczy, Warszawa.
- MARYNIAKOWA Irena, 1976, *Imiesłowy w rosyjskiej gwarze starowierców mieszkających w Polsce*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław–Warszawa–Kraków.
- MARYNIAKOWA Irena, 1982, *Funkcje składniowe bezokolicznika w gwarze pskowskiej i gwarze Rosjan-starowierców mieszkających w Polsce*, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk.
- PAŚKO-KONECZNIK Dorota, 2011, *Wpływ polszczyzny na zasób leksykalny polskiej gwary staroobrzędowców na Suwalszczyźnie*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Toruń.
- PAŚKO-KONECZNIK Dorota, 2016, *Słownik zapożyczeń polskich w rosyjskiej gwarze staroobrzędowców z regionu suwalsko-augustowskiego*, Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, Toruń.
- ZIÓLKOWSKA-MÓWKA Magdalena, 2018, *System antroponimiczny staroobrzędowców mieszkających w Polsce* (w druku).

Stefan Grzybowski

ZJAWISKA ARCHAICZNE W GWARZE STAROBRZĘDOWCÓW W POLSCE

Streszczenie

Wyspowa gwara staroobrzędowców w Polsce obok wielu osobliwości związanych z jej funkcjonowaniem w otoczeniu obcojęzycznym zawiera również pojedyncze przypadki form mających paralele w historii języka rosyjskiego i nieznanymi we współczesnych gwarach rosyjskich lub w języku literackim. Do archaicznych można zaliczyć przysłówek *úcmo* ('jak należy'), partykułę

дей ('podobno', zam. *де* lub *дэска́ть*), formę *яма́ем* ('маму́' zam. *ма́ем*), jak też *кашчúnьы* i *кашчúnничать* dla oznaczenia bezkarnych wygłupów (psot i żartów) młodzieży na kilka dni przed Bożym Narodzeniem (por. współczesne ros. *кощунство*, *кощунствовать* na oznaczenie czynów świętokradczych).

ARCHAIC PHENOMENA IN OLD BELIEVERS DIALECT IN POLAND

Summary

The Old Believers island dialect in Poland includes many peculiar elements resulting from its functioning in an alien, i.e. Polish, environment, and at the same time it has at its disposal some forms which are unknown in contemporary Russian or its dialects and have their parallels in the history of Russian. They could be interpreted as archaisms. In this paper some of them are considered in detail: the adverb *úсто* ('well, truly'), the particle *дей* (instead of *де* or *дэска́ть* – 'say'), the verbal form *яма́ем* (instead of *ма́ем* or *имéем* – 'we have') and the forms *кашчúnьы*, *кашчúnничать* ('mischiefs, pranks', 'play pranks') designating the pranks played at Christmas Eve by young people (comp. *кощúnство*, *кощúnствовать* – 'blasphemy, blaspheme' in modern Russian).